

18+

ПРАВДА

ПАХНЕТ ИРЛАНДСКИМ ВИСКИ

ГЛЕБ СЕВЕРЦЕВ

Глеб Северцев

Правда пахнет ирландским виски

«Издательские решения»

Северцев Г.

Правда пахнет ирландским виски / Г. Северцев — «Издательские решения»,

Шон Маккормак похоронил себя в пабе на окраине Дублина, меняя виски на виски и стараясь забыть запах крови и лжи. Но когда старого Пэдди находят мёртвым в винном погребе, Шон чувствует знакомый аромат: правду. Проблема в том, что единственный человек, который мог убить Пэдди — его давно погибшая дочь Рейчел, которую все считают мертвой. Адвокат Кира, приехавшая за наследством, начинает собственное расследование...

© Северцев Г.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Та, кто заказала «Правду»	6
Глава 2. Тело, которое не молчало	10
Глава 3. Дочь, которой нет	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Правда пахнет ирландским виски

Глеб Северцев

© Глеб Северцев, 2026

ISBN 978-5-0071-1243-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Та, кто заказала «Правду»

Стойка из чёрного дуба помнила всё.

Шон Маккормак проводил ладонью по её поверхности в тысячный, а может быть, и в десяти тысячный раз, и каждый раз дерево отвечало ему глухим, почти живым теплом. Он не задавался вопросом, почему продолжает это делать. Просто руки привыкли. За десять лет работы в «Тихом кельте» его ладони изучили каждую царапину, каждый след от ножа, каждое пятно, которое уже ничем не вывести. Некоторые пятна были старше, чем половина посетителей, переступивших порог этого заведения.

Было половина шестого вечера. Солнце, редкий гость в этой части Дублина, уже начало клониться к горизонту, и его лучи пробивались сквозь пыльные витражи, окрашивая пол в грязно-красные и тускло-золотые тона. Пахло здесь так, как пахнет только в пабах, переживших не одно поколение: старым деревом, выдержанным виски, табаком, который уже полвека не курят в помещениях, но запах въелся в стены намертво, и ещё — едва уловимым привкусом чужой печали. Шон научился различать оттенки этой печали. Она была разной. Горькой, как дешёвый бурбон. Тягучей, как патока. А иногда — почти сладкой, когда кто-то напивался до чёртиков, пытаясь утопить в алкоголе воспоминания о любви, которая не стоила и капли.

Он протирал стойку уже третий час подряд, хотя та была безупречно чиста. Просто ждал. Шон всегда знал, когда кто-то должен прийти. Не голосом, не мыслью — каким-то звериным чутьём, которое не объяснить логикой. Оно появилось у него после того, как он бросил полицию, после того, как врачи зашили ему живот и сказали: «Если выпьете ещё хоть раз — умрёте». Он не послушался, но как-то выжил, хотя печень работала уже через силу. А чутьё осталось.

Дверь скрипнула.

Не так, как скрипела она обычно, когда заходили местные — грузно, с хлопком, с руганью на погоду или на правительство. Нет. Этот скрип был осторожным, даже робким. Дверь «Тихого кельта» весила под центнер, и чтобы открыть её бесшумно, нужно было либо знать секрет — чуть приподнять за нижнюю ручку перед тем, как тянуть на себя, — либо быть очень лёгким человеком, который привык появляться незамеченным.

Шон поднял голову.

Она стояла на пороге, и первые секунды он видел только силуэт — свет уличного фонаря просвечивал сквозь её пальто. Потом она шагнула внутрь, и паб поглотил её, как чрево кита поглощает маленькую рыбу. Она была невысокой, но держалась так, будто привыкла быть выше всех в комнате. Тёмные волосы, собранные в небрежный пучок, несколько прядей выбились и падали на лицо. Глаза — он не мог разобрать их цвет в полумраке, но что-то в их взгляде заставило его внутренний детектор, который он считал давно сломанным, щёлкнуть и включиться.

Она осмотрелась.

Шон наблюдал за её взглядом, скользящим по залу. Вот она заметила барные стулья с ободранной кожей — поморщилась. Вот перевела взгляд на столики у окна — там сидел Финн, старик, который казался ровесником этих стен, и бесшумно шевелил губами, будто разговаривал с кем-то невидимым. Вот задержала взгляд на камине, в котором уже много лет не жгли огня, потому что дымоход завалился, а чинить было не на что. И, наконец, её взгляд упёрся в Шона.

— Вы работаете? — спросила она.

Голос был низким, с хрипотцой. С таким голосом обычно просыпаются по утрам, выкурив пачку натошак. Но она не пахла табаком. Она пахла...

Шон втянул носом воздух.

Это было ошибкой. Потому что он всегда чувствовал слишком много. Когда-то это делало его лучшим следователем в управлении. Потом это же чуть не свело его с ума. Сейчас его нос уловил целый коктейль запахов, исходивших от неё, и каждый что-то говорил.

Пальто пахло городом — мокрым асфальтом, выхлопными газами, дождём, который обещали, но так и не пришёл. Волосы пахли дорогим шампунем — чем-то цветочным, но не припорным, с горьковатой ноткой. И были ещё духи.

Шон узнал их мгновенно. «Шанель номер пять».

Он замер на секунду, и тряпка в его руке остановилась на середине дуги. Эти духи стоили больше, чем весь его месячный заработок. Их не носят в пабы на окраине Дублина. Их надевают на премьеры в театре, на званые ужины, на переговоры, где решаются судьбы людей. Или когда хочешь произвести впечатление. Или когда хочешь что-то скрыть.

— Работаю, — ответил он, возвращая тряпке прежнее движение. — Что будете пить?

Она прошла к стойке, и каждый её шаг отдавался лёгким стуком каблуков о половицы. Половицы пели — каждая на свой лад. Шон знал, что четвёртая от входа прогибается сильнее остальных, и старался не ставить туда тяжёлые ящики. Она наступила на неё — и та жалобно скрипнула, будто жалуясь на боль в старых суставах.

Она села на средний табурет. Не на тот, что ближе к выходу — туда садятся те, кто боится и хочет быстро уйти. Не на тот, что в углу — туда садятся те, кто хочет спрятаться. Она села ровно посередине, лицом к залу, поставив локти на стойку и чуть наклонившись вперёд. Поза человека, который не боится быть на виду.

— Вы Шон? — спросила она.

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и липкий, как дым.

— Это зависит от того, кто спрашивает, — ответил он, откладывая тряпку в сторону.

— Меня зовут Кира. Кира О'Брайен.

Он ждал продолжения. Она молчала.

— И что же привело вас, Кира О'Брайен, в «Тихий кельт»?

Она смотрела на него в упор, и в этом взгляде было что-то, от чего его спина покрылась мурашками. Не от страха — от узнавания. Так смотрят люди, которые пришли за правдой. Проблема была в том, что правда никогда не приносила ничего хорошего. Она была как хороший виски: сначала обжигает, потом щиплет глаза, а потом ты понимаешь, что заплатил слишком много за несколько минут удовольствия.

— Пэдди Бреннан, — сказала она. — Он мой отец.

Шон не изменился в лице. Он научился этому ещё в полиции — сохранять невозмутимость, когда внутри всё переворачивается. Пэдди Бреннан. Хозяин паба. Человек, который десять лет назад протянул ему руку, когда он валялся в сточной канаве и молил бога о смерти. Человек, который сказал тогда: «Вставай. Я научу тебя протирать стойку. Это проще, чем ловить убийц».

— Пэдди не говорил, что у него есть дочь, — сказал Шон.

— Вот видите, — она едва заметно улыбнулась, но улыбка не затронула глаз, — мы оба знаем о нём не всё.

Она положила на стойку фотографию. Старую, выцветшую, с неровными краями — такие печатали в девяностых. На ней был Пэдди — моложе лет на двадцать пять, без седины, с густой рыжей шевелюрой и широкой улыбкой. На коленях у него сидела девочка лет семи. Косички, веснушки, растерянный взгляд в объектив. Девочка держала в руках плюшевого зайца, у которого не хватало одного уха.

— Это я, — сказала Кира. — Последняя фотография, где мы вместе. Через месяц она сбежала. Отец сказал, что я умерла.

Шон молчал. Такие вещи не комментируют.

— Я не умерла, — продолжила она спокойно, будто рассказывала о погоде. — Меня увезли в Лондон. Другая семья. Другая жизнь. Я стала адвокатом. Но два месяца назад я получила письмо. От него.

Она вытащила из внутреннего кармана пальто конверт. Бумага была дорогой, верже, с водяными знаками. Шон взял его, достал письмо — всего несколько строк, написанных твёрдым, но дрожащим почерком человека, у которого трясутся руки.

«Кира. Если ты читаешь это, значит, я уже мёртв. Приезжай в „Тихий кельт“. Шон поможет. Он знает запах правды. Не верь ничему, что скажут про мою смерть. Она не была случайной. Твоя мать...»

На этом текст обрывался. Последнее слово было написано торопливо, чернила размазались — будто он отложил ручку, чтобы ответить на стук в дверь, и так и не вернулся.

— Письмо пришло через три дня после того, как мне сообщили о его смерти, — сказала Кира. — Официальная версия — сердечный приступ. Похороны уже прошли. Никто меня не ждал. Я приехала, потому что хочу знать правду.

Она замолчала и посмотрела на него с вызовом.

— И чего вы ждёте от меня? — спросил Шон.

— Слышала, вы умеете чувствовать ложь. Нюхом. Как собака.

— Не самый лестный комплимент.

— Не комплимент. Констатация факта. Я адвокат, Шон. Я работаю с фактами. А факт в том, что моего отца убили. И вы это знаете.

Она сказала это так буднично, так уверенно, что он не нашёл слов для отрицания. Действительно знал. Знал с того самого момента, как нашёл Пэдди в подвале, с этим дурацким ожерельем на шее и пустым стаканом в руке. Но он не мог рассказать это Кире. Не сейчас. Не здесь.

— Закажите что-нибудь, — сказал он вместо ответа. — Вы не заказывали.

Она медленно кивнула, принимая правила игры. Взгляд её скользнул по полкам за его спиной — ряды бутылок, от дешёвого бренди до тридцатилетнего односолодового виски, который Пэдди хранил для особых случаев.

— Я слышала, у вас есть коктейль. «Правда».

Шон нахмурился. «Правду» готовил только Пэдди. Это был его секретный рецепт, который он никому не доверял. Даже Шону.

— Его никто не делает уже две недели, — сказал он.

— А вы сделайте.

— Я не знаю рецепта.

Она улыбнулась — на этот раз настоящей улыбкой, тёплой, почти домашней. И от этой улыбки что-то кольнуло у него под ложечкой.

— Знаете, — сказала она. — Просто ещё не пробовали.

Шон посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. Потом повернулся к полкам и начал выбирать бутылки. Он не знал рецепта — это была правда. Но он знал Пэдди. Знал, какой виски тот любил. Знал, в какой пропорции смешивал горечь и сладость. Знал, что «Правда» должна была сначала обжечь, а потом оставить долгое, тёплое послевкусие.

Он смешал в шейкере односолодовый виски, каплю вермута и что-то ещё — мёд, показалось ему, или что-то похожее на мёд. Добавил лёд. Встряхнул. Перелил в широкий стакан с толстым дном.

Кира взяла стакан, поднесла к носу, вдохнула. Её глаза расширились.

— Он говорил, что правда пахнет ирландским виски, — тихо сказала она. — С нотками торфа и груши.

Она сделала глоток. Потом второй.

— Вкус... — она запнулась, — вкус как в детстве. Только тогда он не давал мне пить. Говорил, вырасту — тогда попробую.

Шон отвернулся и начал мыть стакан, который был и так чист. Он делал это, чтобы не смотреть на неё. Потому что понял: она действительно его дочь. И потому что понял другое: он не может рассказать ей правду сейчас. Потому что правда была такой, что она либо убьёт её, либо заставит совершить что-то непоправимое.

А в углу Финн всё так же сидел, слегка покачиваясь, и бесшумно шевелил губами. Старик давно ничего не слышал, но глаза у него были как у ястреба. И сейчас они были прикованы к Кире.

Он её узнал.

Шон увидел это по тому, как дёрнулась рука старика, когда Кира сделала первый глоток. Как сжались его пальцы на кружке с тёплым элем, который он пил уже три часа. Как что-то промелькнуло в его мутных глазах — страх, удивление или, может быть, давняя, застарелая вина.

Паб молчал. Только половицы потрескивали, остывая после дневного тепла. И виски в стакане Киры мерцал янтарным светом, отражая лампы над стойкой.

Никто из них не знал, что это был последний спокойный вечер в «Тихом кельте». Что уже завтра труп Пэдди перестанет быть просто телом в подвале и станет уликой. Что Киру попытаются убить. Что Шону придётся вспомнить всё, что он так долго забывал.

Но это всё будет потом.

А пока Кира допила «Правду», поставила стакан на стойку и сказала:

— Я остановилась в гостинице в центре. Приеду завтра. Надеюсь, у вас будут ответы.

Она встала, поправила пальто и направилась к выходу. У порога обернулась.

— Шон. Я не просила вас верить мне. Просто понюхайте. Вы всё поймёте.

Дверь скрипнула — на этот раз привычно, грузно — и закрылась.

Шон остался один. Финн поднялся, проковылял к стойке, поставил пустую кружку.

— Кто это был? — спросил он.

Голос у старика был скрипучий, как несмазанная дверь. Шон пожал плечами.

— Никто. Заблудившаяся туристка.

— Туристки не заказывают «Правду», — усмехнулся Финн. — Туристки пьют ирландское пиво и фоткают стойку. Эта пришла за чем-то другим.

— Зачем, Финн?

Старик помолчал. Потом наклонился через стойку, и Шон почувствовал запах — старый табак, моча, давно не мытое тело и что-то ещё. Что-то, от чего его ноздри раздулись, как у зверя, почуявшего добычу.

— Она пахнет смертью, — сказал Финн. — Так же, как и ты тогда, десять лет назад. Ты не заметил?

Шон промолчал. Он заметил. Он чувствовал этот запах с того самого момента, как она переступила порог. Запах дорогих духов, мокрого асфальта и чего-то ещё. Того, что он никак не мог определить.

Правда пахнет ирландским виски. Но тогда почему от неё пахло кровью?

Глава 2. Тело, которое не молчало

За два дня до того, как Кира О'Брайен впервые переступила порог «Тихого кельта», Шон Маккормак спускался в подвал, чтобы взять новую бочку виски.

Это был обычный вторник, дождливый, как и положено вторнику в Дублине. Шон ненавидел вторники. В понедельник ещё есть надежда на хорошую неделю. В среду уже можно ждать пятницы. А вторник — это болото, день без единой приметы, день, когда случаются самые плохие вещи. Его жена умерла во вторник.

Подвал пах плесенью, сыростью и деревом. Там, внизу, время текло иначе. Стены из грубого камня помнили ещё тех, кто строил этот паб в конце восемнадцатого века. Бочки с виски стояли на дубовых поддонах, выстроившись в шеренги, как солдаты на смотре. Самая дальняя, тридцатилетняя, была гордостью Пэдди. Он купил её на аукционе за баснословные деньги и говорил, что откроет только тогда, когда его дочь вернётся домой.

Шон каждый раз, проходя мимо этой бочки, думал об одном и том же: дочь не вернётся. Она умерла. Пэдди сам сказал ему об этом несколько лет назад, когда напился впервые за долгое время. Плакал, сжимая в кулаке старую фотографию. Девочка с косичками и плюшевым зайцем.

— Она была такой маленькой, — бормотал Пэдди сквозь слёзы. — Всего семь лет. А я не смог её защитить.

Шон не знал, что именно случилось с той девочкой. Пэдди никогда не рассказывал. Только однажды обмолвился, что кто-то «увёз её в Лондон», и больше ничего не говорил. Шон не настаивал. У каждого есть скелеты, которые лучше не вытряхивать из шкафа.

В тот вторник он спустился по каменным ступеням, держа в руке фонарик — лампочка в подвале перегорела ещё месяц назад, и Пэдди всё обещал её заменить, но так и не заменил. Ступени были скользкими от влаги, перила — шаткими. Шон уже знал каждую трещину в камне, но всё равно двигался осторожно — один неудачный шаг, и можно было свернуть шею.

Запах в подвале сегодня был другим.

Шон остановился на нижней ступеньке и принялся. Пахло плесенью, как обычно. Пахло старым деревом. Пахло виски — терпким, дымным, обещающим тепло. Но был ещё один запах. Слабый, едва уловимый, но настойчивый, как комар, который жужжит над ухом, даже когда его не видно.

Запах правды.

Шон вырос с этим проклятым даром. В детстве он думал, что так чувствуют все. Потом понял, что нет. Что он один слышит то, что другие предпочитают не слышать. Его нос различал ложь по едва уловимому кислому привкусу, который появлялся в воздухе, когда кто-то врал. Страх пах горьким миндалём. Вина — тухлыми яйцами. А правда... правда пахла по-разному. Иногда это был запах свежего хлеба — если правда была доброй. Иногда — запах грозы — если правда была страшной. А иногда — запах ирландского виски.

Таким запах был только у одной правды. У той, которую Пэдди называл «последней».

Шон пошёл на запах, обходя бочки и стараясь не споткнуться о ящики с пустыми бутылками. Фонарик выхватывал из темноты то угол стены, покрытый паутиной, то старую мышеловку, которую никто не проверял уже год, то облезлый плакат с рекламой виски, который Пэдди повесил ещё в девяностых.

Запах становился сильнее.

Он нашёл его в дальнем углу, за той самой тридцатилетней бочкой, которую Пэдди берёт для возвращения дочери.

Пэдди сидел в старом кожаном кресле, которое давно следовало выбросить, но он его любил — говорил, что в этом кресле сидел ещё его отец. Голова была откинута назад, рот

приоткрыт, глаза закрыты. На первый взгляд — спит. Или пьян в стельку, что для Пэдди было удивительно, потому что он не пил уже десять лет, после того как врачи сказали: «ещё одна капля — и сердце не выдержит».

Шон подошёл ближе.

Правая рука Пэдди лежала на подлокотнике, слегка сжатая, будто он пытался за что-то ухватиться. Левая — на колене. На полу, у ног, валялся пустой стакан. Тот самый, из которого Пэдди пил воду — старенький, с трещиной на ободке, который он не выбрасывал из сентиментальности.

Стакан был пуст, но на дне осталось несколько капель.

Шон наклонился, понюхал.

Виски.

Хороший, односолодовый. С нотками торфа, мёда и груши. Тот самый, который Пэдди хранил для дочери.

Шон выпрямился и посмотрел на лицо хозяина. Пэдди был мёртв. Это стало очевидно, как только он разглядел серый, землистый оттенок кожи, отсутствие дыхания, странное, неестественное спокойствие, которое бывает только у тех, кто уже ничего не чувствует.

Он должен был вызвать полицию. Должен был не трогать ничего, дожидаться экспертов, ответить на вопросы. Вместо этого он опустил на колени рядом с креслом и принялся к телу.

Пэдди пах потом, мылом и старческой кожей. Но был ещё один запах. Тот, который его нос уловил ещё на лестнице. Запах виски — стойкий, резкий, перебивающий все остальные ароматы. Но не тот, что в стакане. Нет. Этот запах шёл не от посуды. Он шёл от тела.

От шеи.

Шон перевёл взгляд на ожерелье. Пэдди всегда носил серебряную цепочку с маленьким кельтским крестом — подарок жены, которая умерла много лет назад. Сейчас цепочка была сдвинута вбок, крест висел на плече, а под цепочкой...

Шон осторожно отодвинул металл.

На шее, чуть ниже кадыка, темнели три отчётливых следа. Синеватые, с багровым отливом. Пальцы. Чьи-то пальцы, которые сжимали горло Пэдди. Не сильно — не для того, чтобы задушить. Для того, чтобы прижать к креслу, чтобы он не двигался, пока...

Пока что?

Пока не случился «сердечный приступ».

Шон закрыл глаза и глубоко вдохнул. Когда он открыл их снова, в его взгляде не было слёз — только холодное, выверенное спокойствие человека, который слишком много раз видел мёртвые тела, чтобы реагировать эмоционально.

Он осмотрел место вокруг кресла. Никаких следов борьбы. Стакан на полу — возможно, выпал из руки. Рядом с креслом — маленький столик, на котором стояла бутылка. Та самая, тридцатилетняя. Открытая. Непочатая, но открытая. Пэдди так и не сделал ни глотка — пробка валялась на полу, но уровень жидкости в бутылке не уменьшился.

Значит, виски налил кто-то другой. Или заставил налить.

Шон поднял бутылку, понюхал горлышко. Тот же запах. Торф, мёд, груша. Правда.

Он поставил бутылку на место и поднял стакан. Внутри — несколько капель. Если отдать на экспертизу, там найдут яд. Или что-то, что в сочетании с больным сердцем дало смертельный эффект. Может быть, обычный инсулин. Может быть, что-то посложнее.

Шон засунул стакан в карман куртки.

Он не собирался вызывать полицию. Не потому, что хотел скрыть убийство. А потому, что знал: приедут следователи, начнут задавать вопросы, составят протокол, а потом напишут в заключении «острая сердечная недостаточность». Потому что так проще. Потому что никому

в дублинской полиции не было дела до старого бармена, у которого нет родственников, нет денег и нет связей.

Но у Пэдди были кое-какие связи. И Шон собирался их найти.

Он обыскал подвал. Не как полицейский — аккуратно, в перчатках. А как человек, который ищет то, что другой хотел спрятать.

Он нашёл это за бочкой с виски «Бушмилс», которая стояла у дальней стены. Маленький кожаный дневник, перетянутый резинкой. Страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком Пэдди. Шон открыл наугад.

«15 марта 1997 года. Она пришла ко мне ночью. Вся в крови. Сказала, что это не её. Сказала, что больше не может. Я обещал помочь. Я поклялся на Библии, что никому не скажу. Но я должен был сказать. Может быть, если бы я сказал, она была бы жива. И девочка. И все они...»

Дальше шли строки, которые он не успел прочитать — послышался звук открывающейся входной двери наверху, голоса.

Шон сунул дневник за пазуху, быстро, как вор, и выпрямился, приняв вид человека, который просто проверяет бочки.

Сверху спустился Финн.

— Ты чего тут? — спросил старик. — Пэдди уже два часа как наверху не появлялся.

— Он здесь, — сказал Шон, не глядя на него. — Мёртв.

Финн замер. Его лицо, и без того морщинистое и старое, стало серым, как стена подвала.

— Сердце? — спросил он тихо.

— Похоже на то.

Старик подошёл к креслу, посмотрел на Пэдди долгим, тяжёлым взглядом. Потом перекрестился.

— Царствие небесное, — прошептал он. — Хороший был человек. Грешный, но хороший.

— Все мы грешные, Финн.

— Не все. Некоторые просто ждут своего часа.

Шон посмотрел на старика. Тот стоял, ссутулившись, и в тусклом свете фонарика казался призраком — старым, измученным призраком, который давно уже должен был покинуть этот мир, но всё ещё держался, потому что не закончил какое-то дело.

— Ты знал, что у него есть дочь? — спросил Шон.

Финн вздрогнул. Едва заметно, но Шон увидел.

— У него никого не было, — сказал старик. — Только паб.

— И бочка виски, которую он берёт для её возвращения.

Финн молчал. Молчал так долго, что Шон уже решил, что старик не ответит. Но потом тот заговорил — тихо, быстро, будто боялся, что кто-то услышит:

— Не лезь в это, Шон. Ты хороший бармен. Протирай стойку, наливай виски и не задавай вопросов. Вопросы убивают. Быстрее, чем пули.

Он развернулся и, шаркая ногами, начал подниматься по лестнице.

Шон остался один с телом. Он смотрел на Пэдди, на его посиневшее лицо, на ожерелье, которое сползло с шеи, на пустой стакан, который он спрятал в карман, и думал об одном.

Запах виски был слишком сильным. Даже для тридцатилетнего односолодового. Он чувствовал этот запах даже сейчас, когда прошло уже больше часа. Он чувствовал его в каждом углу подвала, в каждой трещине в камне, в каждой бочке.

Это была не просто правда.

Это было обещание.

Кто-то хотел, чтобы он нашёл это тело. Кто-то хотел, чтобы он заметил следы пальцев на шее. Кто-то хотел, чтобы он почувствовал этот запах.

Вопрос был в том, зачем.

Шон закрыл лицо руками и просидел так несколько минут. Когда он поднял голову, его глаза были сухими. Он знал, что делать. Он вызовет полицию, когда «найдёт» тело. Скажет, что спустился за бочкой, а Пэдди уже был мёртв. Ни слова о стакане. Ни слова о дневнике. Ни слова о следах на шее.

А потом он найдёт того, кто это сделал. И задаст ему один вопрос.

«Пахнет ли правда ирландским виски у тебя в крови?»

Он поднялся наверх, запер подвал ключом, который всегда висел у стойки, и налил себе полный стакан дешёвого виски — того, что подавали обычным посетителям. Выпил залпом. Потом ещё один. Только после третьего его руки перестали дрожать.

Через час он «обнаружил» тело. Полиция приехала быстро, осмотрела, составила протокол. Эксперт, молодой парень с бледным лицом, написал в заключении: «острый коронарный синдром». Никто не обратил внимания на цепочку. Никто не нюхал стакан.

Только один старый детектив, которого Шон знал по прошлой работе, задержался у выхода и тихо спросил:

— Ты уверен, что это сердце?

— Абсолютно, — ответил Шон.

Детектив посмотрел на него долгим взглядом, который означал «я тебе не верю, но лезть не буду». Потом пожал плечами и ушёл.

Паб опустел.

Шон остался один. Он достал дневник, сел в кресло, в котором Пэдди сидел каждый вечер, и начал читать с первой страницы.

То, что он узнал за следующие три часа, заставило его забыть о виски.

А наутро он написал письмо. Короткое. На имя Киры О'Брайен, адвоката в Лондоне. Он нашёл её адрес в дневнике Пэдди — выпавший клочок бумаги, заложенный между страницами.

Он написал:

«Ваш отец мёртв. Это не был сердечный приступ. Если вы хотите знать правду — приезжайте в „Тихий кельт“. Спросите Шона. Я буду ждать».

И подписался.

Письмо ушло с утренней почтой.

А через два дня она пришла. Запах её духов. Её голос. Её глаза, которые смотрели так же, как смотрел Пэдди, когда говорил о правде.

Шон понял, что запустил механизм, который уже не остановить.

И что правда, которую он так долго искал, наконец нашла его сама.

Но была ли эта правда тем, что он хотел услышать?

Он не знал. Знал только одно: запах ирландского виски теперь преследовал его повсюду. Даже когда он закрывал глаза. Даже когда спал. Даже когда просыпался в холодном поту посреди ночи.

Этот запах обещал смерть.

Не Пэдди.

Чью-то ещё.

Глава 3. Дочь, которой нет

Ночь в «Тихом кельте» после ухода Киры тянулась медленно, как патока в зимнюю стужу.

Шон закрыл паб в одиннадцать, хотя по правилам можно было работать до часу. Не было настроения. Финн ушёл, бросив на прощание странную фразу: «Береги себя, парень. И нос свой береги. Он тебе ещё пригодится». Старик ковлял к выходу целую вечность, и каждый его шаг отдавался в голове Шона тяжёлым, пульсирующим стуком.

Оставшись один, Шон не стал мыть стаканы. Не стал протирать стойку. Вместо этого он сел на табурет, на котором час назад сидела Кира, и уставился в пространство перед собой. Его нос всё ещё помнил её запах — смесь дорогих духов, дождя и того, другого, неуловимого, что он никак не мог идентифицировать. Не кровь. Не страх. Не вину. Что-то более сложное, более глубокое. Что-то, что пахло... правдой. Но не той правдой, к которой он привык. Эта была другой. Горьковатой, с привкусом давно забытой обиды.

Он просидел так около часа, а потом встал, запер дверь на тяжёлый засов, погасил почти все лампы, оставив только тусклый ночник над стойкой, и спустился в подвал.

Там, в дальнем углу, за бочкой с тридцатилетним виски, всё ещё стояло кресло. Пустое. Пэдди увезли на следующий день после того, как Шон «нашёл» тело. Кресло осталось. Никто не знал, что с ним делать. Шон не мог заставить себя его выбросить. Оно пахло Пэдди — табаком, потом, старым деревом и ещё чем-то неуловимо родным, от чего щипало в носу.

Он сел в это кресло, достал из внутреннего кармана куртки кожаный дневник и начал читать с того места, где остановился.

Дневник Пэдди Бреннана оказался не просто записками — это была исповедь. Страницы, пожелтевшие от времени, пахли кожей, чернилами и тем самым виски, который так любил хозяин паба. Пэдди писал убористо, мелко, иногда перескакивая с одного на другое, иногда возвращаясь к событиям двадцатилетней давности, будто не мог отпустить их.

Шон читал медленно, вникая в каждое слово. Он уже знал, что найдёт здесь ответы на вопросы, которые боялся задавать. Но то, что открылось перед ним, превзошло самые мрачные ожидания.

«Я не должен был брать её. Но она сама пришла. Сказала, что больше не может. Сказала, что если я не помогу, она убьёт и себя, и ребёнка. Я согласился. Я думал, что спасаю жизнь. А оказалось, что я украл чужую».

Шон перевернул страницу.

«Она не моя дочь. Я знал это с самого начала. Но я полюбил её, как свою. Когда она смотрела на меня своими глазами — такими огромными, испуганными, — я забывал обо всём. О том, что её настоящая мать умерла при родах. О том, что её настоящий отец... лучше не думать о том, что он сделал. Я поклялся, что никто никогда не узнает правды. Но правда всегда находит способ выбраться наружу. Как запах виски из запечатанной бочки. Ты можешь закрыть её, заткнуть, обмотать плёнкой, но рано или поздно одна молекула просочится сквозь щель. И тогда все учуют».

Шон отложил дневник и потёр глаза. В подвале было холодно, сыро, и где-то за стеной слышался мерный стук — то ли старые трубы, то ли крысы, то ли само здание жаловалось на старость. Он взглянул на часы. Половина третьего ночи. А он всё ещё сидел в кресле, в котором умер человек, и читал его тайны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.